

Обычно исследователи либо обходят эту информацию молчанием, либо считают ее недостоверной⁴⁴. Между тем еще С. Гзель, полагая, что рассказ Евсевия об императорском суде и оправдании родственников Христа носит легендарный характер, далее признает указ Домициана о прекращении гонения на христиан историческим фактом⁴⁵, и веских оснований оспаривать эту точку зрения нет.

Мотивы, которыми руководствовался император, можно расценивать по-разному. Но надо признать, что анализ различных аспектов политики Домициана, как внутренней, так и внешней, показывает: в определении приоритетов этой политики последний Флавий был удивительно прозорлив, чего не смогли понять и не оценили его современники. Сомнительно считать, что к таким случаям относится и молодая тогда религия, возникшая в недрах иудаизма, но решительно с ним порвавшая. Разумеется, это не означает, что Домициан может считаться претендентом на лавры святого Константина, время Миланского эдикта еще не пришло. Однако оценить лояльность христиан (в отличие от иудеев) по отношению к власти и, соответственно, в той или иной степени легализовать их деятельность он, думается, был вполне в состоянии и даже попытался сделать это, запретив репрессии против Церкви. Но если такая возможность и была, она умерла вместе с Домицианом.

⁴⁴ «Тертуллиан и Гегесипп намекают, что сам Домициан приказал прекратить гонение, но это выглядит невероятным (but this seems improbable)» (*McFayden D.* Op. cit. P. 65).

⁴⁵ См.: *Gsell S.* Op. cit. P. 313, 315.

К ВОПРОСУ О НОВЫХ ДОКУМЕНТАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Вот уже более 10 лет Русская Православная Церковь переживает настроения, вызванные неприятием частью ее членов паспортов, ИНН и других новых средств идентификации личности. Священноначалие Русской Православной Церкви неоднократно откликнулось на это прискорбный феномен. Последним по времени появления стал документ «Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных», принятый 4 февраля 2013 года Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви.

В документе, в частности, говорится о том, что «проблемы, связанные с электронной идентификацией личности, учетом и обработкой персональных данных, продолжают накапливаться и усложняться. Сегодня необходимо продолжить богословское, нравственное и гражданское осмысление этих проблем»¹. Настоящая статья предлагается в качестве попытки исторического осмысления проблемы неприятия новых идентификационных документов.

В чем же суть вопроса? Вот лишь несколько наугад взятых примеров.

5 августа 2008 года. Интерфакс: «Сразу 140 жителей Ростовской области подали в Ленинский районный суд Ростова иск к Федеральной миграционной службе о возмещении

¹ <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html>.

морального вреда. По словам заявителей, их обидел российский паспорт и его символика...

Перед этим оскорбленные граждане обратились в региональное управление ФМС с требованием выдать им какой-либо другой удостоверяющий документ взамен российского паспорта.

«Большинство заявлений были как две капли воды похожи друг на друга: состояли из пяти страниц компьютерного текста с подробным описанием имеющихся знаков сатаны в российском паспорте и требованием ответить на 51 вопрос», — рассказала изданию начальник отдела обеспечения паспортной и регистрационной работы УФМС России по Ростовской области Светлана Тремасова. К дьявольским меткам верующие отнесли орнамент документа, разглядев в хитросплетениях узора сатанинское число 666, а также рамку фотографии и даже пустую графу «личный код».

«Мы попытались переговорить с гражданами, объяснить им, что Церковь не запрещает паспорта, даже предложили переговорить с православным священнослужителем. Но они ответили, что у них другая вера — настоящая, и Православная Церковь им не указ», — рассказала сотрудница миграционной службы. Среди «отказников» были и подростки, которым еще только пришлось получать паспорт².

В мае 2012 года издание Саратовской митрополии газета «Православная вера» № 10 (462) публикует статью Марины Бирюковой «Губит не штрих, а грех»: «Не так давно нашу редакцию в очередной раз посетил представитель отделения Пенсионного фонда по Саратовской области; на сей раз это был помощник управляющего Виталий Нуждин. Он принес образчик заявления от православного пенсионера: "Согласно своим убеждениям на основании действующего законодательства РФ я не даю своего согласия на доставку пенсии

² См.: Более ста верующих Ростовской области отказались от паспортов // <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=25895>.

по новому бланку, содержащему личный страховой номер и штрих-код. Я отказываюсь ставить свою подпись в бланке с антихристовыми символами..."

— Заявления все одинаковые, — сообщил Виталий Юрьевич, — все из одного компьютера. А вот людей таких почему-то все больше и больше³.

Действительно, всего лишь несколько минут требуется человеку для того, чтобы найти в интернете сайт, с которого можно распечатать заявления об отказе принимать различные идентификационные документы. В пункте 5 Деяния Архирейского Собора Русской Православной Церкви говорится, что «в задачи Церкви не входит подробный анализ причин отказа каждой конкретной группы людей от каждого конкретного технологического новшества или принятия подобных новшеств. Однако Церковь убеждена, что упомянутые технологии не должны быть безальтернативными и принудительными. Те, кто отказывается принимать эти технологии, должны иметь альтернативу — использование традиционных методов идентификации личности, применяемых сегодня в большинстве стран канонической ответственности Московского Патриархата»⁴. Но что понимать под «традиционными методами идентификации личности»? Для большинства наших сограждан, сжигающих свои паспорта по религиозным мотивам и отказывающихся от новых пенсионных бланков, содержащих личный страховой номер и штрих-код, традиционными являются документы советского образца. Именно советское прошлое, как ни странно, ассоциируется у них с «тихим и безмолвным житием во всяком благочестии и чистоте». При этом никто из них в то время в храмы не ходил и никаких гонений не видел. Но

³ Бирюкова М. Губит не штрих, а грех // <http://www.pravoslavie.ru/smi/54018.htm>.

⁴ Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных // <http://sobor.patriarchia.ru/db/text/2775107.html>.

человек, знакомый с церковной историей, сразу же вспоминает об их идейных предшественниках советского периода — так называемых «истинно-православных христианах», в полусектантские группы которых выродились «правые» расколы 1920-х годов. Распространены они были в основном в сельских районах и городах черноземных областей России, Поволжья, восточных областей Украины. Численность большинства этих групп не превышала двух-трех десятков человек и не выходила за пределы одного или нескольких соседних населенных пунктов, но некоторые разрастались до массовых движений, охватывавших целую область или регион. Первоначально они существовали в рамках легальных приходов, поддерживались или даже вдохновлялись их священниками или бывшими насельниками закрытых монастырей, жившими по соседству. С начала 1930-х годов в связи с закрытием храмов эти группы и их пастыри постепенно лишаются регистрации и становятся частью церковного подполья. В некоторых областях этот процесс продолжался до 1940-х годов.

Отождествление советской власти с властью антихриста заставило членов этих радикально настроенных групп бойкотировать практически все ее мероприятия, а ее учреждения воспринимать как антихристовы. Прежде всего это коснулось работы в колхозах, совхозах, а позднее и вообще в государственных учреждениях.

Естественно, члены этих катакомбных религиозных групп преследовались советской карательной машиной. Летом 1944 года на стол И.В. Сталину легла докладная записка наркома внутренних дел, в которой речь шла о высылке из Рязанской, Воронежской и Орловской областей в восточные районы страны более 1500 человек «истинно-православных христиан». Это была самая массовая депортация русского населения в этот период⁵.

⁵ Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 85.

С 1960–70-х годов начинаются первые религиоведческие исследования групп ИПХ, являющиеся и в настоящее время ценным источником по изучению этой религиозной субкультуры⁶. Наиболее значимым исследователем религиозных практик ИПХ в 1970-е годы стал Александр Иванович Демьянов, преподаватель Воронежского государственного университета, сам в молодости активист ИПХ, а его монография «Истинно-православное христианство. Критика идеологии и деятельности» до сих пор не потеряла своего научного значения. Им, например, в 1970–1973 годах было опрошено 1360 верующих ИПХ, проживающих на территории Воронежской, Липецкой, Тамбовской, Рязанской, Тульской, Орловской и Курской областей, и получены уникальные сведения, добытые, по его определению, методом «включенного наблюдения»⁷. Из опрошенных 707 человек были в возрасте от 60 лет и старше, то есть те, которые стали приверженцами ИПХ в 1920–1930 годы⁸.

Вот что он пишет о мироощущении этих людей: «Фанатики ИПХ считают, что в мире в настоящее время господствует антихрист, поэтому в преобразованиях социалистического общества они усматривают сбывающиеся апокалиптические пророчества. Все в этом мире, по их мнению, греховно, все блага направлены на то, чтобы увести верующих с пути "истинного" в "сети антихриста". Одним из чувств, выступающих на первое место в истинно-православном христианстве,

⁶ См., напр.: Кибанов А.И. Современное сектантство в Тамбовской области: (По материалам экспедиции Института истории АН СССР в 1959 г.) // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 8. М., 1960.; Митрохин Л.Н. Реакционная деятельность «истинно-православной церкви» на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. М., 1961.; Никольская З.А. К характеристике течения так называемых истинно-православных христиан // Там же; Демьянов А.И. Истинно-православное христианство. Критика идеологии и деятельности. Воронеж, 1977.

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Демьянов А.И. Указ. соч. С. 22.

является страх. Многие приверженцы "истинного" православия живут в постоянном ожидании светопреставления, великих бедствий, гонений, которые согласно апокалиптическим пророчествам будто бы скоро должны обрушиться на православных верующих. На этом играют вожаки и проповедники»⁹.

Атрибуты советской гражданской, общественной и хозяйственной жизни — документы, паспорта, участие в выборах, членство в профсоюзе, подписка на займы, пенсии и т. д.— также воспринимались ими как знаки пришествия антихриста, как его печать: «В Евангелии сказано, что накануне последнего отживания (очевидно, "последние времена"), так как на земле появились антихристы, будут ставить печати на людей, а кто не будет принимать печати, будет смертельно гонимый. Чтобы избежать этого, нужно усердно молиться и предостерегать будущее. Грех иметь паспорта, профсоюзную книжку, принимать участие в голосовании по выборам правителей, грех воспитывать детей в советском духе и отдавать их в школу»¹⁰. Как приобщение к «печати антихриста» воспринималось участие и в переписи населения¹¹.

Восприняв Великую Отечественную войну как свершение апокалиптических пророчеств, ИПХ объявили, что это возмездие, посланное Богом на «антихристову» власть и отступивших от Него людей. Считая, что безбожную власть защищать грешно, значительная часть мужчин из групп ИПХ отказались от явки на сборные пункты, дезертировали с фронта и прятались долгие годы в погребках и подвалах. На оккупированной врагом территории наблюдались случаи, когда «истинно-православные христиане» сотрудничали с фашистами, помогая им устанавливать «новые» порядки.

⁹ Демьянов А.И. Указ. соч. С. 59.

¹⁰ Цит. по: Беглов А. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 87.

¹¹ Демьянов А.И. Указ. соч. С. 80–81.

А.И. Демьянов пишет об этом на примере липецких ИПХ, которые рассматривали нападение Германии на СССР как «карающий меч Господень, посланный Богом для уничтожения советской власти. Когда на Курско-Орловской дуге, в непосредственной близости от Липецка, шла битва не на жизнь, а на смерть, так называемые "истинные" изо дня в день ожидали прихода гитлеровцев и готовились к нему. После срыва немецкого наступления, боясь, что участники организации воспримут это событие как поражение меча Господня и слабые духом могут отойти от "истинного" православия, вожаки и проповедники начали "обход" верующих с разъяснением: "Господь удаляет свой меч, чтобы этим испытать свое стадо, насколько оно твердо верит в него, нет ли среди этого стада слабых духом и что Господний меч удален потому, что мы не от всей души каялись в грехах своих"»¹².

После Великой Отечественной войны происходит заметное омоложение и радикализация вероучения ИПХ. В группах ИПХ Мичуринского района Тамбовской области появляются молодежные организации «Юношей». Они отказывались работать в колхозах и совхозах, не ходили сами и не разрешали другим ходить в школу, уничтожали как печать антихристову свои документы, не посещали клубы и кино-театры. Большинство из них приняли на себя обет безбрачия, смертным грехом были приняты присяги и служба в рядах Советской армии. Во многих отношениях «Юноши» пересмотрели умеренные позиции старших и взяли бразды правления в некоторых группах ИПХ в свои руки¹³.

«Что нового внесло молодое поколение в истинно-православное христианство? Оставив без изменения основные положения идеологии "истинного" православия, оно лишь уточнило и сделало более определенными некоторые стороны своего отношения к обществу и государству. Так,

¹² Там же. С. 31.

¹³ Там же. С. 34.

если в 30-е годы считалось греховным участие только в колхозном производстве, то в 40–50-е годы — во всех без исключения государственных предприятиях и учреждениях, а в отдельных случаях объявлялась греховной работа по найму у частных лиц. Если в довоенные годы детям ИПХ родители все же разрешали учиться до 4-го класса, то в первые послевоенные годы большинство "истинных" совсем запретили им ходить в школу. В результате уменьшающегося числа посвященных в тот или иной духовный сан лиц руководство, а вместе с этим и исполнение отдельных богослужений и обрядов взяли на себя миряне, считая, что через наиболее достойных из них благодать также может сходить на верующих. В конце 1960-х — начале 70-х годов в связи с начавшимся распадом истинно-православного христианства изменению подвергаются и другие стороны мировоззрения, идеологии и культа ИПХ»¹⁴.

А.И. Демьянов, проводивший свои исследования в 1970–1973 годах, отмечает, что «не все приверженцы "истинного" православия одинаково относятся к законам социалистического государства. В первую группу можно выделить около 20% наиболее фанатичных последователей, не признающих законов советской власти, во вторую — большинство колеблющихся, традиционных и даже убежденных верующих... <...> Наиболее фанатичные верующие не имеют никаких документов, они считают, что паспорт или воинский билет — это своего рода начертание антихриста, его печать... <...> Вторая группа истинно-православного христианства (более 70%) верующих лояльно относится к Советской власти. Но и эти ИПХ позволяют себе исполнять одни законы и обходить стороной другие... <...> Например, в одном из писем истинно-православные христиане Мичуринска отвечают своим братьям по вере: "Вы нас спрашиваете насчет прописки. Мы здесь все прописаны. Кому можно обой-

¹⁴ Демьянов А.И. Указ. соч. С. 40.

тись без прописки, пускай так обходятся, а кому нельзя, то можно прописаться. В городе без прописки нельзя жить, это дело квартирное. Мы все имеем справки на руках, и почти все молодые работают на производстве, а кому можно так обойтись, то пусть не работают". Такое приспособленчество порождает в истинно-православном христианстве самые противоречивые явления. Так, считая греховным пользование кооперативными книжками и деньгами, ИПХ в силу необходимости пользуются ими, считая греховным получение пенсии, многие из пожилых верующих получают ее. Но требования общества и законы советской власти, без исполнения которых им можно прожить, они стремятся обходить стороной.

Как относятся "истинные" к защите Родины, к проблемам войны и мира на земле? — пишет А.И. Демьянов.— Прошло столетия со времени появления первых групп истинно-православных христиан. Многие из них отошли от крайних проявлений реакционной идеологии и приспособились к условиям современной жизни. Однако в сознании некоторых, оставшихся верными традициям "истинного" православия, советская власть остается антихристовой, идти на защиту которой — смертный грех. "А кого защищать-то, — можно услышать от них, — ведь все то, что Бог посылает на людей, это за их грехи и бороться против Бога за сатану и антихриста грешно". Когда мы беседовали с такими верующими о мирном населении, о женщинах, стариках и детях, которые погибнут, если не защищать их, фанатики отвечали, что это дело Господнее, как предавались антихристу, так пусть и расплачиваются за грехи свои»¹⁵.

«Самым большим грехом, — пишет А.И. Демьянов, — по их мнению, является не нарушение христианских традиционных заповедей, а "принятие печати антихриста", т. е. участие в выборах, вступление в колхозы и совхозы,

¹⁵ Там же. С. 94–96.

кооперативные, профсоюзные и другие организации. **Этот фанатизм имеет не столько религиозную, сколько антиобщественную направленность** (выделено мной.— К. К.). В истинно-православном христианстве большинство фанатиков относятся именно к такому типу»¹⁶. С этим выводом трудно не согласиться.

Важно отметить и то, что все не принимающие гражданские документы группы ИПХ находились за границами Православной Церкви. Церковное подполье, в отличие от них, документы принимало, трудилось на советской работе. Вспомним хотя бы пример доктора биологических наук, профессора с мировым именем, тайной монахини Игнатии (Пузик). В условиях гонений она и ее единомышленники решили, что, несмотря на гонения, монашество не должно угаснуть. Главное — сохранить духовную жизнь, культуру православного монашества: молитву, старческое руководство, общинную жизнь. А частности могут меняться: пусть это будет монашество без монастырских стен и одежды, пусть вместо монастырского послушания будет светская работа, лишь бы исполняли ее новые иноки «со всей ответственностью, со всей любовью». Они оставались на своей мирской, «советской» работе или учебе, что входило в их монашеское послушание, и одновременно под руководством старцев постигали основы духовной жизни¹⁷.

Еще один пример. В 1933–1936 годах в Средней Азии возник подпольный монастырь архимандрита Гурия (Егорова). Духовные дети отца Гурия также работали в государственных учреждениях, принося свой заработок в общую кассу киновии. Ученик архимандрита Гурия тайный иеромонах Иоанн (Вендланд) преподавал в Среднеазиатском го-

¹⁶ Демьянов А.И. Указ. соч. С. 129.

¹⁷ Монахиня Игнатия (Пузик): Ученый с мировым именем, монахиня-гимнограф // <http://www.pravmir.ru/monaxinya-ignatiya-puzik-uchenyj-s-mirovym-imenem-monaxinya-gimnograf/>.

суниверситете, одновременно работал в Узбекском геологическом управлении. Впоследствии митрополит Иоанн вспоминал: «Мы жили удивительной жизнью: с одной стороны, глубоко церковной, с другой — активно-гражданской. До сих пор я считаю такое соединение самым лучшим»¹⁸. Как видим, члену подпольной общины необязательно было быть ярким антисоветчиком, не принимать паспорт, скрываться. Гражданственность здесь успешно сочетается с катакомбной церковностью. Характерно, что в годы гонений и церковных разделений они считали принципиальным сохранять верность священноначалию Русской Церкви в лице митрополита Сергия (Страгородского). Это был не политический, а сознательный духовный выбор, выбор тех, кто стремился сохранить духовную жизнь, монашество и всю Церковь там, где, казалось бы, для нее не было места. В послевоенные годы они не только дали легальной Церкви кадры священнослужителей и церковных работников; оставаясь в подполье, они многое сделали для развития церковной литературы, апологетики, гомилетики, христианского образования — тех областей церковной жизни, которые не могли в те годы полноценно существовать в легальных условиях.

И наоборот, неприятие паспортов и других идентификационных документов советской власти привело сторонников этого явления из просто оппозиции к Церкви в послевоенное время в откровенное сектантство. В одном из произведений, ходивших в этой среде в послевоенные годы, говорится об этом следующее: «Еретики возьмут власть над церквями, будут ставить своих служителей благочестия... Первым делом их гонение будет на истинных пастырей»¹⁹. А вот пример из

¹⁸ Митрополит Иоанн (Вендланд). Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 107–112, 120–126.

¹⁹ Митрохин Л.Я. Реакционная деятельность «истинно-православной церкви» на Тамбовщине // Вопросы истории религии и атеизма. Т. 9. М., 1961. С. 156–157.

справки Управления МГБ по Алтайскому краю от 6 апреля 1948 года: «В крае имеется некоторая часть православных верующих, попавших под влияние антисоветского элемента, которая бойкотирует вновь открытые церкви, мотивируя тем, что в них совершаются богослужения за советскую власть. Так, один из верующих, проживающих в гор. Рубцовске, где официально действует Православная Церковь, по этому вопросу говорил: «Церкви, которые сейчас открыты, являются советскими, а священники — советскими агитаторами, поэтому службу они ведут за Советскую власть. Посещать эти церкви ни в коем случае нельзя». <...> Верующая, проживающая в Змеиногорском районе, заявила так: «Священники в этих церквях поставлены из партии, под ризой у них медали, службу они ведут сокращенно, не так как раньше была служба, они обновленцы, поэтому в церковь ходить никогда не надо, надо избегать эти церкви, крестики покупать также не надо, т. к. на них находили серп и молот, колоски, пятиконечную звезду и СССР»²⁰. Некоторые группы ИПХ в послевоенные годы прямо отождествляли с антихристом Патриарха Московского и всея Руси, а духовенство Православной Церкви — с лжепророками; действующие церкви они называли «капищами антихриста»²¹.

Таким образом, всего несколько десятилетий назад в нашей стране были группы верующих, не принимающие столь дорогие нашим «ревнителям» советские идентификационные документы в совершенно иных исторических условиях, но с той же самой мотивацией, что и наши современники. Знают ли они об этом? Не пугает ли их перспектива вырождения в сектантские организации? Не страшно ли им оказаться за границами Православной Церкви?

²⁰ Цит. по: *Беглов А.* В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М., 2008. С. 88–89.

²¹ Там же.

Но может быть, идентификационные документы образца царской России являются наиболее традиционными и приемлемыми для «верующего»? Но и здесь церковный историк не может не вспомнить о весьма распространенной беспоповской секте бегунов — странников, исповедовавших уже произошедшее воцарение антихриста в мире. Так как открыто с антихристом бороться было нельзя, необходимо уйти от мира, где царствует антихрист, разорвать с обществом. Бегуны отказывались брать любые официальные бумаги, а некоторые даже деньги, ведь на них изображены государственный герб и печать, но так как само государство сейчас антихристово, то, значит, и на деньгах запечатлен образ врага Христова. Поэтому безденежные бегуны зарабатывают сложнейшую символику внешнего вида денег, причем для них характерно особое отношение к бумажным деньгам, введение которых рассматривалось как еще одно деяние императора-антихриста²² (как это похоже на борьбу с электронными деньгами в наше время!). Бегуны не имели фамилии, которая была для них чем-то вроде личного кода, не имели постоянного места жительства — странничали. Некоторые проповедовали всеобщее осквернение антихристом: «Все съестные товары осквернены, и на всех фабричных вещах положены клейма», поэтому их последователи убирали заводские знаки с пил, топоров, серпов²³ (как это похоже на борьбу со штрих-кодами!).

Длительное существование в полицейском государстве целого общества беспаспортных людей было возможно потому, что бегуны были разделены на два разряда: странники и странноприимцы. Странники — это люди, совершенно отказавшиеся от мирских связей, не имеющие ни имущества, ни крова, а странноприимцы — это значительная часть бегунов,

²² *Дутчак Е.Е.* Старообрядческое согласие странников (вторая половина XIX–XX вв.) // <http://starajavera.narod.ru/dutchakStranniki.html>.

²³ Там же.

которая находилась в положении как бы оглашенных. Они не прерывали окончательно связи с миром. В домах таких странноприимцев были оборудованы специальные тайники для укрытия странников. В случае болезни странноприимца или другого опасного обстоятельства странники крестили его, и если он выживал, то должен был оставить дом, имущество и уйти странствовать.

Странническое согласие не исчезло и после революции. К примеру, в 1932 году органами ГПУ Республики немцев Поволжья была раскрыта и арестована группа бегунов-странников, обвинявшихся в систематической организованной антисоветской агитации против соввласти и ее мероприятий. По делу проходили 17 человек, все получили по 3 года исправтрудлагерей.

В показаниях обвиняемого гр-на Дросидина-Федулова Кузьмы Ивановича, «руководителя истинно-православных христиан по Саратовскому приделу», от 19 августа 1932 года читаем: «По Священному писанию усматривается, что придет то время, когда на всем земном шаре будет царствовать антихрист. Это предсказание оправдалось. В 1666 г. патриарх Никон ввел целую серию новшеств в учение Христа. С этого времени появились люди, которые, не признавая введенных новшеств, отклонились от мира и ушли по стопам Христа странствовать, назвав себя "истинно-православные христиане странники". Странники как до революции, так и в настоящее время живут нелегально. Государства вообще, Советского в частности, не признают. Фамилию не носят. От приписки к обществу отказываются... <...> В колхозах не состоим и не можем состоять, а также не состоим и в других кооперативных и общественных организациях. Наша молодежь брать оружие в руки, служить в Рабоче-крестьянской красной армии не может. Все стремление наше направлено к загробной жизни»²⁴.

²⁴ Архив УФСБ по Саратовской области. Д. ОФ 15056. Л. 6.

Архивно-следственное дело в отношении этой группы бегунов-странников включает, насколько мне известно, ранее не публиковавшийся документ «Вероисповедание истинных православных христиан странствующих», содержащий основы вероучения странников и составленный, скорее всего, на рубеже 1920–1930 годов человеком, имеющим определенное образование, что для странников было нетрадиционно. Их образование ограничивалось домашним обучением грамоте. Привожу этот документ с небольшими сокращениями.

«С момента Московского собора 1666 г. истинно-православные христиане странствующие в Священном писании видят два способа, которыми будет уловлять антихрист всех христиан к отступлению. Первый способ направлен будет гонением и всевозможным истязанием против каждого христианина, дабы путем боязни означенных мучений привести христиан к отступлению от евангельских заповедей и подчинить себе. Второй способ, который будет употреблять антихрист для приведения к отступлению христиан, по Священному писанию, является мнимой свободой, которую дает антихрист всем подчинившимся от учения евангельского.

В пророческом писании путь спасения от антихриста для христиан указан двояким образом: одни христиане, которые сильны, должны исповедовать перед антихристом христианскую веру, а если нужно, то и умереть за исповедание, не боясь никаких мучений. А более слабощные должны убежать и укрыться, чтобы не быть отступником и не подчиниться антихристу. Этот путь — бегство и укрывательство — сам же Господь указал через Откровение Иоанна Богослова: "Жена побеже в пустыню", а почему истинно-православные христиане странствующие почти двести семьдесят лет ведут образ жизни, предсказанный в пророческом Писании, — бегственный и укрывательский, начиная со времени Никона и до сих пор.

Причина бегства и укрывательства истинно-православных христиан странствующих во время царства

последнего всемирного антихриста выражается в том, что антихрист не дает свободно исповедовать религию, а разными противными Евангелию указами стесняет свободу христианской веры. Первое из таких стеснений было от Алексея Михайловича и Никона — привлечение к ересям. После Алексея Михайловича все цари из дома Романовых, преемственно державшие скипетр русского самодержавия, гнали, преследовали и убивали всевозможным образом христиан, не желающих нарушать истинную веру и подчиниться никоновским ересям. Так как монархическая власть вместе с духовенством со времени царя Алексея Михайловича до дней революции 1917 г., стесняя странствующих христиан разными противными вере указами, не давала веровать так, как велит закон Христа, почему православным христианам странствующим нужно было бежать и укрываться, чтобы таким образом исполнить христианские обязанности там, в бегственном и укрывательском положении.

Гражданская монархическая власть знала, что много есть христиан, убежавших от ее преследования и скрывшихся в различных пустынях, лесах, селах, деревнях, городах и даже бежавших за границу во имя сохранения евангельского учения, захотела в лице Петра I вернуть всех убежавших и потому, наученная дьяволом, придумала хитрую приманку, посредством которой можно было бы привести христиан укрывающихся к отступлению от заветов Христа. <...>

Чтобы легче было всех не желавших отступить от Православия привести к отступлению и прекратить их укрывательскую богоугодную жизнь, Петр I издал указы искать всех скрывшихся и произвести в 1719 г. Всероссийскую ревизию. Он узаконил паспортную систему для того, чтобы таким образом обязавши всех паспортами и подчинивши себе, привести к отступлению от учения Христа. Само собой понятно, что паспорт, взявших таковой, обязывал правами гражданства и прикреплял к определенному месту жительства или сословию,

и, только получивши паспорт, который всецело отнимал веру, можно было жить открыто, не укрываясь. В паспорте была черта, обозначающая вероисповедание лица, имевшего оный. Та черта у всех, кто не хотел быть никонианином, заполнялась словом "сектант", "раскольник", названиями не приемлемыми христианами, противными учению Православной апостольской Церкви, и притом на паспорте ставился ложный год, также не приемлемый христианской Церковью. Таким образом, взявшие указанный паспорт, которым нарушалась свобода евангельского учения, христиане отступали от православия и заветов Христа, так как Христос говорит: "Кто хочет быть совершенным, тот должен оставить все и идти вслед меня", а паспорт прикреплял к определенному месту жительства, и еще Христос говорит: "Кто исповедует меня пред человеками, того исповедую и я перед Отцом моим иже не небесах", в паспорте же исповедовать себя христианином ни в коем случае не позволялось. Таким образом, взявшие паспорт нарушили заповеди Божии. Не взять паспорт и жить в мире открыто было невозможно, почему христианин, не желавший отступить от заветов Христа, должен был бегать и укрываться без паспорта... <...>

Истинно-православные христиане странствующие, твердо помня повеление самого Господа, строго сохраняли свою веру, не записываясь в раскольничьи списки и не беря паспорта, но в течение 270 лет бежали и укрывались, бросали все земное, дабы не потерять православную веру, а через это и вечное блаженство.

Подходя ко времени Николая II, мы видим, что здесь указом от 17 апреля 1905 г. была объявлена так наз. свобода веротерпимости, то есть разрешено было строить молитвенные дома, храмы и записаться в общину по изданному указу гражданской власти. В этом указе о веротерпимости православные христиане странствующие увидели опять-таки снова закинутую по наущению дьявола сеть, чтобы крепче завязать подчинившихся ему в узы отступления от

Православия, они не пошли на эту удочку, но прежним путем бегства и укрывательства хранили ненарушимо православную веру в странственном положении, не подчиняясь антихристианским повелениям императора Николая II, отнимающего этой ловушкой свободу религии... <...>

Переживши монархическое правление империалистической власти с провозглашением демократии, исполнилось пророческое созерцание пророка Даниила и предсказание св. Ипполита папы Римского о демократиях. Мы, истинно-православные христиане странствующие, ждали свободы в области религии, которую провозгласила советская власть. В это время мы ожили и встрепенулись от 270-летнего давления и тяжелого гнета, который налагался на нас монархическими властями, как бы тяжелый камень свалился с нас с провозглашением свободы религии советской властью. Но полной свободы и при советской власти опять же для нас нет, так как враг человеческий, диавол, не дремлет, стремясь препятствовать в области религии и стеснять наши верования. Советская власть обяывает также правами гражданства посредством паспортов всех граждан, нападая таким образом на нас, не приемлющих паспортов в силу исполнения евангельских заповедей, а также советская власть заставляет зарегистрировать свое общество, что для нас не может быть исполненным в силу тех же евангельских заповедей. <...>

Поэтому истинно-православные христиане странствующие не могут и в данное время взять паспорт, связывающий их правами гражданства, а также не могут регистрироваться и подчиняться запрещению проповеди евангельской. <...> Мы остаемся на том же пути бегства и укрывательства. Как и при империализме скрывались 270 лет и до конца этого мира, и ничто не может поколебать устоявшей веры. Мы были, есть и будем верными сынами и исполнителями христианства Христа: "На сем камени созижду Церковь Мою и врата адавы не одолеют ея"²⁵.

²⁵ Архив УФСБ по Саратовской области. Д. ОФ 15056. Л. 221–227.

Таким образом, мы имеем дело по крайней мере с тремя мировоззренчески идентичными религиозными субкультурами: бегунами-странниками, зародившимися и расцветшими в царской России, истинно-православными христианами в СССР и нашими современниками — «ревнителями чистоты Православия». Безусловно, типологическое сходство вероучения и некоторых форм поведения бросается в глаза. Однако представляется, что о прямом влиянии здесь говорить все же не приходится. Тогда встает принципиальный религиозный вопрос: откуда у этих практически изолированных друг от друга, появившихся в различные исторические эпохи групп такая схожесть в идеологических установках, что их объединяет? Ответ, на мой взгляд, один: отношение к государству. Сущность этого мироощущения заключается в страхе человека перед враждебным государством. Враждебным не из-за политической, экономической или расовой дискриминации, а духовно враждебным.

Такие настроения в группах верующих ИПХ мы можем назвать вслед за Александром Журавским **антисоветским эсхатологизмом**²⁶, трагическим результатом церковных расколов 1920–1930 годов и уродливым последствием оскудения церковной жизни в советский период. Родина воспринимается здесь как царство антихриста, борьба с которым заключается в бегстве от него.

Исследователь старообрядческого согласия бегунов-странников Елена Ерофеевна Дутчак в своей диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук определяет учение о побеге как «культурную доминанту странничества»²⁷. «Несомненно,— пишет исследовательница,— в бегунском учении получил религиозную санкцию

²⁶ См.: Журавский А.В. Светская и церковная историография о взаимоотношениях правой оппозиции и митрополита Сергия (Страгородского) // Нестор. Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. 2000. № 1. С. 350.

²⁷ Дутчак Е.Е. Указ. соч.

факт русской истории — побег»²⁸. Как тут не вспомнить их современных единомышленников — «пензенских сидельцев» и им подобных?

Необходимо отметить, что подобная позиция всегда была чужда Русской Православной Церкви, и в царской России, и в СССР. Это — ложный эсхатологизм, антисоветский, старый антироссийский, новый антироссийский — не важно. Ложный потому, что эсхатон из радостной встречи со Христом: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Откр. 22, 20) — превращается здесь в царство антихриста, страх становится основным религиозным чувством, а бегство — главным духовным делом.

Бегство это выражается в разрыве всех возможных связей с государством, прежде всего непринятием паспорта — основного символа гражданства, а потом и других идентификационных документов. Каждое новое поколение людей, уловленных в эти сети, стремится расширением «поля доказательств» аргументировать учение о необходимости побега. Современная жизнь России, связанная с новыми технологиями идентификации личности, представляет для этого массу возможностей.

Документ «Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных», принятый Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, призывает клир, монашествующих и всех верных чад Святой Церкви «проявлять в данных непростых вопросах духовную зоркость и христианское трезвомыслие, заботиться о свободе исповедания веры и поддержании христианского образа жизни, помня, что принести Богу добрые духовные плоды может лишь тот, кто пребывает во Христе и сохраняет верность церковному единству»²⁹. Будем надеяться, что призыв этот будет услышан.

²⁸ Дутцак Е.Е. Указ. соч.

²⁹ Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных // <http://sobor.patriarchia.ru/db/text/2775107.html>.

Раздел V Литургия